

*Эта книга посвящается Кэтлин Смит —
за ее смелое и прекрасное сердце*

Глава 1

Леонард

Мать растила Леонарда одна, скрывая трудности за веселым видом, потому что его отец трагически скончался во время родов. Мать не была по природе бойцом, но ей удалось научить Леонарда смотреть на жизнь как на цепочку незначительных событий, с каждым из которых вполне можно как-нибудь справиться. Доброта казалась ей совершенно обычным делом, она считала, что единственным убедительным оправданием отсутствия птичьей кормушки в садике за домом является ее наличие в садике перед домом.

Как иногда случается с мальчиками, предпочитающими настольные игры спорту, у Леонарда было мало друзей, но много идей. И мать с интуитивным здравомыслием понимала, что детям, подобным Леонарду, просто нужно, чтобы их кто-то выслушал. Они отправлялись в поход по магазинам, обсуждая щукорылых угрей, а на обратном пути увлеченно беседовали о спутниках Сатурна; в ванной перед сном они говорили о приливных волнах и, прежде чем пожелать друг другу спокой-

ной ночи, обменивались мнениями о человеке, который попал в Книгу рекордов Гиннеса как обладатель самых длинных ногтей. Но Леонард рос в то время, когда тихие дети с развитым воображением не обладали презумпцией невиновности. Матери часто приходилось защищать сына от раздраженных учителей, жаловавшихся, что до него невозможно достучаться. С чисто материнским смирением она сидела одна на родительских собраниях и объясняла, что у сына, как и у его покойного отца, на лице просто никогда не сможет появиться выражение «Эврика».

Когда Леонарду уже стукнуло тридцать, мама по-прежнему его опекала — покупала на обед его любимую ветчину (ту, где меньше прожилок), ставила чай на тумбочку у кровати, чтобы он выпил его, когда проснется, и наводила утюгом благопристойные стрелки на джинсах, которые Леонард потом заглаживал. Когда мать уже состарилась, он в благодарность проводил с ней много времени, сделав ее частью своего не слишком многолюдного жизненного пространства.

Леонард точно не мог сказать, когда именно наступил момент, превративший их отношения из чисто семейных в товарищеские. Хотя взрослый сын, живущий с овдовевшей матерью, — это такая ситуация, по отношению к которой обществу еще предстоит выработать четкое мнение, обычно она видится как не самая привлекательная. Окружающие, насколько могли судить, пришли к выводу, что мать, пожалуй, слишком властная, а сын недостаточно инициативен и, возможно, не особенно сек-

суален. На самом же деле ни мать, ни сын не пытались ущемлять или вмешиваться в дела друг друга. Оба были людьми независимыми, умеющими находить удовольствие от жизни в собственном мирке, и, в общем, они хорошо ладили. Правда, Леонард почувствовал некоторую неловкость, когда возникла мысль вместе поехать в отпуск, хотя он даже не помнил, кто из них двоих эту мысль подал. Конечно, когда в отпуск едут мать с дочкой — это нормально; путешествие отца с сыном, как известно, считается способом взросления. Однако отпуск сына в компании мамы подразумевает, что кто-то кому-то непременно станет обузой. И все же они путешествовали с удовольствием. Она любила ходить пешком и без труда обходила художественные галереи, полностью осматривая любую выставку разумных размеров, не попадаясь на спасительную удочку в виде магазина сувениров, куда устремлялись умаявшиеся женщины вдвое моложе ее. Обоим нравились церкви, хотя Леонард и не был человеком религиозным, чего, однако, не скажешь о большей части мирового искусства. Он с наслаждением рассматривал знаменитую живопись и скульптуру в европейских соборах, а мать ставила свечку в боковом приделе за упокой души своего давно умершего и слишком чувствительного супруга.

Она никогда не спрашивала Леонарда о девушках, поскольку понимала, что тема эта слишком деликатная, но также и потому, что испытывала сомнения по поводу причин его, по всей видимости, девственной жизни: дело в отсутствии интереса или

возможностей? Для Леонарда же проживание в одном доме с мамой на практике предполагало некоторые самоограничения. Что бы случилось, думал он, если бы он привел домой девушку и, проснувшись на следующее утро, они обнаружили бы на тумбочке две чашки чая?

В середине недели, закутавшись на ночь в пуховое одеяло, мать неожиданно-негаданно умерла во сне. Ее одежда, приготовленная на следующий день, аккуратно лежала рядом. Такая опрятность была ее данью уважения жизненным мелочам. Врач назвал причиной смерти сердечный приступ, но подчеркнул, что не видит никаких признаков перенесенного страдания или трагедии. Сказал, что сердце, скорее всего, просто «перестало биться».

Поскольку Леонард был единственным ребенком и малообщительным, что, в общем, не свойственно единственным детям, народу на похороны пришло немного. На передних скамьях в церкви практически никого не было, кроме самого Леонарда, потому что люди обычно стараются избегать близости к усопшему родственнику и садятся на несколько рядов дальше, чем следовало бы. Поэтому рассчитывать на помощь многочисленной родни Леонард не мог и сам выполнял то, что требовалось во время обряда: читал молитвы верных, собирал пожертвования и делал другие мелкие дела, которые обычно выпадали на долю других, менее близких родственников. В своей проповеди священник говорил об общих вещах, о смерти и надежде, что вызвало у Леонарда чувство облегчения, потому что мама не любила, когда жизнь покойно-

го преподносилась в болтливо-карикатурном виде. Если бы у Леонарда хватило смелости, он сказал бы, что его мать относилась к людям с такой заботой, словно это были птички в ее саду, то есть с безусловной нежностью и щедростью.

В крематории ее гроб, слегка подрагивая, проплыл по рельсам сквозь красную драпировку, напоминая — конечно, не случайно — «Поезд призраков», ее любимый ярмарочный аттракцион. Мама боялась высоты и конкурсов, поэтому ярмарки всегда представляли для нее некоторое испытание, но она ходила туда ради Леонарда и с удовольствием каталась на «Поезде призраков», главным образом потому, что он ехал медленно по темной, украшенной флуоресцентными лампами художественной галерее. Когда гроб исчез за занавесом под напев «Nothing Rhymed» ее любимого Гилберта О'Салливана, Леонард стер слезу с очков и сиротливо вернулся в их общий дом, который теперь стал только его домом.

Когда единственный ребенок теряет второго родителя, на календаре поколений превращается страница. Приходится заниматься практическими делами, что-то устраивать, но еще, в более общем смысле, самому встречать то, что преподносит жизнь, и неважно, готов ты к этому или нет. В результате к печали прибавляется замешательство. Именно в таком состоянии, с настроением, упавшим на октаву, Леонард провел первые несколько недель после похорон: не отрываясь, глядел на пирог, выпекавшийся в духовке; долго стоял, уставясь на мешочек с семечками в птичьей кор-

мушке; грустно замирал с текстовым маркером над списком телепрограмм. Если бы в это время вы спросили его, о чем он думает, или каким-нибудь иным привычным способом попробовали вернуть его к действительности — то есть без всякой на то причины побеспокоили его, — он не знал бы, что вам ответить, а его будничное сознание вернулось бы к нему, словно кошка, которая несколько дней где-то гуляла и теперь явилась без всяких объяснений.

Каждый вечер после ужина он сидел на диване, как обыкновенно сидят одинокие мужчины, которым приходится не проводить время, а чем-то заполнять его. Открывал биографию какой-нибудь исторической личности, терпеливо дожидавшуюся своего часа в книжном шкафу. В некоторых книгах закладки торчали всего через несколько страниц после начала, и в описании жизни героя Леонард едва ли продвигался дальше детства. Он чувствовал себя спокойно в книжных магазинах, и сама покупка книг тоже была овеяна спокойствием, но читателем в эти дни он стал рассеянным. Чтение теперь казалось ему занятием гораздо более уединенным, потому что его ухо больше не улавливало мелких шагов матери, хлопотавшей по хозяйству. Он сел за стол и пытался срисовывать картинки из «Ежегодника орнитолога-любителя» — песчанку, прыгающую вдоль берега, или кайру с кладкой яиц грушевидной формы, благодаря которой они не скатываются со скал, — но так как показывать рисунки было больше некому, все детали оперения и цветовые оттенки он прорисовывал небрежно. И конечно, всегда оставался телевизор: из всех воз-

можностей самая привлекательная, хотя на удивление маловостребованная, поскольку рядом на диване не сидела та, с кем он мог все обсудить.

Был бы Леонард другим человеком, он мог бы пойти вечером в паб, встретиться с друзьями, поиграть в дартс, домино, карты или в какую-нибудь другую игру, но от мысли провести время в компании экстравертов ему становилось совсем одиноко. В такие периоды мы узнаем своих настоящих друзей или, как в случае с Леонардом, идем к единственному другу. Так, пытаясь закрыть или заполнить эту пресную главу вечера, Леонард взял привычку искать убежище у Голодного Пола.